

18+ Юрий Гаврилов

Рассказы о рыбалке

Юрий Гаврилов

Рассказы о рыбалке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51618548

ISBN 9785449842657

Аннотация

В сборник вошли рассказы о природе, истории из жизни автора, произошедшие на рыбалке, охоте, сборе грибов и ягод. Для массового читателя.

Содержание

ЮРИЙ ГАВРИЛОВ	5
К читателю	6
С любовью	8
Вытегра	9
Первые радости	20
Детство	28
Таймень	36
В тайге	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рассказы о рыбалке

Юрий Гаврилов

© Юрий Гаврилов, 2020

ISBN 978-5-4498-4265-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЮРИЙ ГАВРИЛОВ

Рассказы о рыбалке

избранное

г. Кривой Рог 2020 год.

Гврилов Ю. Н.

Рассказы о рыбалке /Ю.Н.Гаврилов / – 124 с.

В сборник вошли рассказы о природе, истории из жизни автора, произошедшие на рыбалке, охоте, сборе грибов и ягод.

© Гаврилов Ю., 2017

К читателю

Дорогие читатели!

Учитывая ваши пожелания, я решился выпустить рассказы о рыбалке отдельной книгой.

Рыбалка, охота, сбор грибов и ягод – мои любимые увлечения на протяжении всей жизни. Это и не удивительно, – ведь родом я из северо-западной глубинки, из Прионежья, края тысяч озер и девственно чистой природы, сохранившихся в своей первозданности благодаря отдаленности от благ цивилизации, заводских труб и железных дорог на сотни километров.

В связи со спецификой профессии военного, моя служба проходила в отдаленных гарнизонах по всему периметру нашей необъятной Родины. В своих рассказах я вспоминаю о рыбалках на реках и озерах России, Украины и Монголии.

Мне искренне жалко тех людей, которым не доводилось встретить рассвет на берегу озера или реки.

Сколько они потеряли!

Ведь время рассвета, когда происходит пробуждение всего живого в природе, – одно из самых замечательных чудес на свете!

Сидишь в лодке и следишь, как постепенно светлеет небо на востоке, как этот розовый свет начинает разливаться по воде, отражающий и прибрежный лес, и причудливой

формы облака, и светящуюся луну.

Вот в камышах раздался всплеск, и поплыли по поверхности воды круги. Вот вся вода покрылась ими – маленькими и большими, – плавится резвящаяся рыба.

А вот из зарослей рогоза выплывает стайка шустрых утят, они играют, перегоняя друг друга, и даже не обращают на тебя никакого внимания.

Вот подлетает к тебе камышовка и, усевшись на свесившуюся над водой ветку ивы, с терпеливым любопытством заглядывает тебе в глаза.

Поднявшись с огромного дуба, красавец ястреб чертит в воздухе широкие круги, забираясь все выше и выше...

Совсем близко от лодки на поверхности возникли цепочки пузырьков – подошел карась. Сейчас начнется клев...

И такая радость входит в душу, заполняя ее до краев...

Эти мгновения остаются потом на всю жизнь...

С ЛЮБОВЬЮ

Юрий Гаврилов.

Вытегра

Небольшой городок на северо-западе России, в четырнадцати километрах от Онежского озера – моя Родина. Край лесов и озер, непуганых птиц и зверей. Край, находящийся в относительной близости от обеих российских столиц, но незаслуженно ими забытый в период повальной индустриализации европейской части страны (за что сегодня им отдельное спасибо).

Это один из немногих оставшихся экологически чистых островков дикой природы в окружении промышленных мегаполисов. Патриархальный быт, неописуемая красота природы, душевность и открытость жителей, невольно выбивают слезу умиления у странника волею судьбы оказавшемуся в этих местах.

До ближайшей заводской трубы – двести километров! Это ли не сказка! Ни каких ядовитых выбросов в атмосферу, ни каких ГМО в продуктах. Только здесь человек может жить в истинно природных условиях и не опасаться за свое здоровье, сохранить которое в условиях крупных промышленных городов сегодня становится все сложнее.

Если посмотреть на город с северо-запада, то можно увидеть, что Вытегра расположена на довольно значительной долине, ограниченной горами, параллельными течению реки. Одноименная городу, река Вытегра, по берегам которой

расположен город, от природы река не судоходная, вследствие множества порогов и быстрин, при посредстве плотин и шлюзов сделана судоходною.

В пределах Вытегорского района протекает сто восемь рек, кроме Онежского, находится триста восемьдесят два малых озера!

Многочисленные реки и озера являются источниками водоснабжения, транспортными магистралями, практически неистощимой базой для развития рыбного хозяйства и туризма, а также придают неповторимую красоту этому лесному краю.

В 1711 году, прорубая «окно в Европу», Вытегру посетил Государь император Петр Великий. Он лично отправился на Вянгинскую пристань, дабы убедиться в торговой значимости этих мест. Возможно, тогда у него и появилась мысль соединить Неву с Волгой. Этот визит заложил основу в строительстве Волго-Балтийского водного пути.

Во время войны 1812 года в Вытегру на судах были вывезены для хранения все драгоценности и вещи императорского Эрмитажа и Кабинета Его Величества.

В последнюю войну, по «дороге жизни», город принял и обустроил тысячи блокадных семей из осажденного Ленинграда.

Фашисты в Вытегру так и не зашли, они были остановлены в шестидесяти километрах.

Бывал в Вытегре и Сергей Есенин, гостя в деревне Кон-

души у друга и соратника по перу Николая Клюева

Помогло Вытегре остаться в своей первозданности то, что как не пытались высокие государственные умы провести через город железную дорогу Москва-Архангельск, ничего у них не получилось. Природа не покорилась. И, слава Богу! Если до недавнего времени большинство людей стремились ближе к цивилизации, то сегодня наметилась обратная тенденция. Многие бегут от нее в поисках душевного равновесия и сохранения пошатнувшегося здоровья. Правда, если честно, бегут недалеко, чтобы при необходимости пользоваться ее благами.

Я один из таких людей. Приезжаю на Родину поправить здоровье, зарядиться положительной энергией и эмоциями. Прилив сил и душевный подъем ощущаю с первых шагов по родной земле, но через месяц-другой, заскучав по горячей воде из крана и теплом туалете, непременно возвращаюсь назад.

Любимые мои занятия в Вытегре это рыбалка и грибы. Про рыбную ловлю я писал не раз, а сейчас остановлюсь на вылазках по грибы. Если удастся попасть на родину в августе-сентябре, этому увлечению я посвящаю все свободное время.

С детства запомнились поездки по грибы с отцом. Одно время он работал в Черноморском леспромхозе. Сначала на лесовозе, а затем на вахтовой машине. Заготавливал лес для юга нашей, тогда огромной и единой, страны.

В грибной и ягодный сезоны он часто брал меня с собой. Уводил глубоко в лес, показывал растительный мир, рассказывал о жизни лесных обитателей. Учил ориентироваться и выживать в тайге.

Не скрою, иногда брали с собой побаловаться и ружьишко. Поначалу нашей добычей были зайцы, рябчики и глухари, а позже, когда появилась своя охотничья собака Найда, уже выходили по-серьезному, на лося и медведя.

Больше всего мне запомнились поездки по Андомской дороге, где за деревней Тудозеро, возле поворота на Щекино, уходили вправо, перебирались по старой лежневке через болото и оказывались в изумительно красивом месте: на небольших пригорках, сплошь устланных, как ковром, белым мхом, стояли редко, отсвечивая на солнце янтарной желтизной, стройные высокие корабельные сосны. Такого, по красоте, соснового бора я больше никогда не встречал, ну разве что в устье Онего. А какие там были грибы!..

Однажды, в начале сентября, когда на почве были уже первые утренники, отец взял меня с собой в лес. Было мне в ту пору лет десять.

Решив рабочие вопросы, он послал меня с корзиной вдоль болота по знакомым местам, сам же, взяв ружье, направился проверять капканы. Встретиться договорились через час на Раньковской горе.

Прошагав минут десять и ощутив, как от росы брюки на-

мокли до колен, я достиг, наконец, первой своей полянки. Там, во мшистом треугольнике, между пожелтевшей березой и двумя елочками, меня всегда ждала удача. Вот и теперь большой белый гриб на высокой ножке стоял на виду вызывающе бесшабашно. Наверное, среди грибов, как и среди людей, тоже есть смельчаки, которые первыми поднимаются в атаку и, погибая, отводят опасность от других.

Срезав смельчака ножом, я внимательно огляделся, даже присел для лучшего обзора и увидел в траве еще два трусливо затаившихся боровичка.

Потом пошел глубже в лес. Попутно заглянул еще в два-три места: на кочках подсохшего болотца нашел белесые подберезовики. А в маленьких овражках, собрал волнушки. Их много, но они скрыты сухой листвой, поэтому искать их надо, ползая на коленях и разгребая руками душистые предосенние вороха с белыми мохеровыми нитями потревоженных грибниц.

Последнее заветное место грибных угодий – огромное поваленное обомшелое дерево, в эту пору обсыпанное мясистыми опятами. Однако в тот день мне не повезло: наполовину вросший в землю ствол покрыт бесчисленными ножками, оставшимися от срезанных шляпок. Но я горевал недолго, корзина почти полная, и можно идти на встречу к отцу.

До места встречи оставалось метров пятьдесят, я вдруг почувствовал, как «крутит» живот и, не долго думая, присел за ближайший кустик. Что было потом, я не могу восстано-

вить в памяти до сих пор, спустя уже многие десятилетия...

Что-то огромное, серое, ударило меня по голове... От неожиданности я повалился на бок и закричал... «Чудище» продолжало налетать на меня со всех сторон... Я отбивался руками и ногами, орал во всю глотку...

Раздался выстрел... Все стихло...

– Ванек!.. (Так звал меня в детстве отец) Ты живой?.. Вылезай!.. – послышался взволнованный голос отца.

Плача от страха и досады, размазывая по щекам слезы и сопли, со спущенными штанами, я выполз из-под куста...

Отец смеялся навзрыд. Таким веселым я его, наверное, больше никогда не видел. В руках он держал огромного (или мне так показалось) убитого серого ястреба.

– Это он тебя за большую мышь принял и решил поохотиться, – улыбаясь, успокаивал отец, достав из кармана носовой платок и застегивая мне штаны.

Собрав грибы, вывалившиеся из опрокинутой корзины, мы двинулись в обратный путь. После таких недетских испытаний, я уже ни на шаг не отставал от отца.

Об этом случае он потом не раз с юмором рассказывал своим друзьям, приводя тем самым меня в немалое смущение.

В этот приезд в Вытегру, я решил посетить те незабываемые с детства места. Вышел рано утром – с солнышком. На окраине разговорился с местным пастухом, собравшим

для выхода на луга немногочисленное сегодня городское стадо коров.

– Зайди на пятом километре и прогуляйся лесом до девятого. Корзину наберешь, – подсказал мне дед.

Дорога шла через городское кладбище, и я не удержался, зашел проведать отца. Посидел на скамейке у могилы несколько минут, задумался... Отметил, что надо придти сюда непременно еще. Вырвать непомерно разросшуюся траву и поправить оградку...

На четвертом километре подвернулась попутка и я, настроенный все же посетить «свои» места, быстро полез в кузов.

Молодой разухабистый шофер лихо гнал старенький «газик» по приличному для этой глубинки асфальту.

Держась за передний борт, я стоял обдуваемый свежим утренним ветром и, оглядываясь по сторонам, выискивал, в почти не изменившейся за много лет окружающей природе, знакомые сюжеты.

Проехали Тудозеро, мост через речку, поднялись на Раньковскую гору. Увидев впереди нужный мне поворот, я постучал по кабине. Спрыгнул на обочину, поблагодарил шофера и направился в поисках старой лежневки.

Дорога к болоту, используемая в прежние времена для вывоза леса, сегодня была явно заброшена. Колея превратилась в нескончаемые бочаги, наполненные коричневой болотной водой. Посредине ее поднялся, частой порослью, молодой

сосняк. Из-за верхушек елей показалось солнце, растапливая бездонную синеву безоблачного неба. Со всех сторон нарастал неугомонный птичий базар, потревоженных человеком лесных обитателей.

Вот и болото. То, что осталось от лежневки, трудно назвать дорогой, скорее, направлением движения. Но без нее не перебраться на ту сторону. Рискую... Вооружившись подобранной по пути длинной лесиной, иду, опираясь на нее, по скользким, то и дело проворачивающимся под ногами, утопающими в черной жиже, полусгнившим бревнам. Вода доходит до колен, развертываю бродовики. Наконец, выбираюсь на сухой островок. В голову закладывается подлюковатая мысль: «а может, ну их... эти грибы? Да и есть ли они там? Стоит ли испытывать судьбу?..» И тут же замечаю, буквально метрах в двадцати, несколько поросших ряской куч старой щебенки. «Пытались сделать наст?» – задумываюсь я. Спешу туда и уже по-сухому выбираюсь из болота.

Вот и лес. Тень и тишина. Статные сосны высоко лепечут надо мной; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся. Мошки вьются столбом, светлея в тени, темнея на солнце; птицы мирно поют. Иду вдоль опушки, а между тем любимые образы, любимые лица, мертвые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются; воображение реет и носится, как птица, и все так ясно движется и стоит перед глазами. Сердце то вдруг задрожит и забьется, страстно бросится вперед, то без-

возвратно потонет в воспоминаниях

Иду с корзиной по тем самым местам, где и сорок лет назад с отцом. В сентябре в ту пору внизу возле болота росли ворончатые волнушки, истекавшие на сломе белым горьким соком.

Не обнаружив волнушек, я побрел дальше в гору, и даже не заметил, как привычный некрупный березняк перерос в неведомое чернолесье. Огромные замшелые деревья подпирали тяжкий лиственный свод, почти непроницаемый для солнечных лучей. Где-то вверху, в далеких кронах, шумел ветер.

Чаща была безлюдная, даже какая-то бесчеловечная, и его охватило ведомое каждому собирателю тревожно-веселое предчувствие заповедных дебрей, полных чудесных грибных открытий. Однако грибов-то и не было. Совсем! Несколько раз, завидев влажную коричневую шапку в траве, я бросался вперед, но это оказывался либо обманно извернувшийся прошлогодний лист, либо глянцевоый, высунувшийся из мха шишковатый нарост на корне.

Я начал прикидывать, в какую сторону возвращаться к лежневке, но вдруг заметил среди стволов просвет и поспешил туда. Сделал еще несколько шагов и обмер: знакомая с детства небольшая поляна с редкими корабельными соснами была сплошь покрыта грибами. Исключительно белыми!

Сердце мое от радости заколотилось так громко и часто,

что стало трудно дышать. Мне пришлось прислониться к дереву и сделать несколько глубоких вдохов. Не сразу, но помогло. Успокоившись, я присел и срезал в бело-бирюзовом мхе первый гриб – тугой и красивый. Шляпка была лоснящаяся, шоколадная, только в одном месте немного подпорчена слизнем, но ранка уже успела затянуться свежей розовой кожей. Подшляпье напоминало нежный светло-желтый бархат, а с толстой ножки свисали оборванные мохеровые нити грибницы. Я долго любовался грибом и, наконец, бережно положил его в свою большую корзину, предварительно выстелив дно несколькими папоротниковыми опахалами.

Вдруг мне почудились чьи-то далекие ауканья, я вскинулся и застыл, напрягая слух, но ничего не уловил, кроме ровного лесного шума. Нет, показалось... Тем не менее мной овладела боязливая, горячечная торопливость, словно с минуты на минуту сюда должны нагрянуть толпы соперников и отобрать у меня этот чудесно найденный грибом Клондайк. Я заметался по поляне... Наконец вроде бы собрал все грибы. Внимательно оглядевшись, я опустил возле переполненной корзины. Потом вскочил и еще раз пристально обошел всю поляну: увы, все было собрано подчистую. Ну и ладно! Вряд ли удастся снова отыскать это удивительное место. Я достал свой нехитрый завтрак, порезал помидор, колбасу и луковицу, разбил о коленку яйцо, разъял успешный слежаться многослойный бутерброд и стал жевать, подливая себе чай из термоса.

Пестрый августовский лес чуть слышно шумел. Иногда с деревьев беззвучно срывался лист и, петляя в воздухе, ложился на траву. Земля постепенно становилась похожа на лоскутное старое одеяло. Я, кряхтя, поднял тяжеленную корзину и пошел к обратно к лежневке.

Вытегра. Россия. 2011 год.

Первые радости

Река в Вытегре одна, но с двумя руслами: по центру города протекает тихая, спокойная одноименная река, деля город на две части, со старыми деревянными, уже давно не действующими, шлюзами «Мариинской системы», и на окраине – многоводный новый канал Волго-Балт, с первым, самым мощным шлюзом. За городом оба русла соединяются в большое водохранилище.

Вытегра вскрывалась в конце марта. Лишь только сломает и унесет лед – начиналась ловля лещей на переметы.

Даже крошечный подлещик, пойманный в далеком детстве, не забывается на всю жизнь. Бережно хранит память «первые радости» юного рыбака. И какой бы толщиной не отделили годы первое биение крови в сердце, пережитую дрожь в ногах при вываживании добычи, – бессильны они заслонить мельчайшие подробности события. До смертного часа будут помниться рыбаку и все оттенки воды и запахи оживающей земли. А голоса птиц и багряные пожары зорь и через полста лет предстанут со вчерашней ясностью...

Место для ловли Юрка выбрал за городом, у Кривого Колена, возле причала нефтебазы. В этом месте река была особо глубока, здесь раскинулись склады с причалами. Сюда подходили баржи и самоходки с продуктами, мукой, солью, водкой, да и многим другим. Рядом стояли рыбзаводовские

сейнеры. Река здесь была намного шире, чем в центре города, так как именно отсюда брал начало новый канал.

Насколько хватило сил, Юра метнул закидушку. С плеском упал тяжелый свинцовый груз и увлек за собой в таинственную глубь пять лещовых крючков, наживленных целыми клубками красных навозных червей.

– Ловись рыбка, большая и маленькая, – по суеверной привычке прошептал Юрка.

Не спеша, он привязал леску за тонкий ствол талового куста и загляделся на воду.

Наплывала ночь. Заря гасла. Подул, пробирающий до костей, северо-западный ветер. Волны ежесекундно менялись в окраске: от цвета расплавленного металла на середине до разлитого подсолнечного масла чуть поближе и густого мазута у берегов. Река шла сильно, во всю неоглядную ширину, шлюз сбрасывал воду. И все это пышное великолепие красок жило, несло в подернутую дымками даль.

Казалось, вскочи на зыбкую спину красавицы реки, и понесет она тебя, как горячий скакун, сквозь степи, леса и горы в сказочную страну, к далекому синему морю...

Простившись с рекой до первых петухов, Юрка припустил домой.

...В предутренних сумерках река показалась еще таинственней. Над головой, спеша на север, пронеслась невидимая стайка птиц. Из водяной пучины с пугающей неужи-

данностью выворачивались клокочущие буруны водоворотов, точно в глубине их бились гигантские рыбы. От разгорающейся зари пухлые ключья пены на волнах порозовели. Другая сторона реки все еще не была видна, река казалась морем.

Как и вечером, Юра смотрел на воду. Он прибежал слишком рано и боялся взяться за заброшенную вчера вечером закидушку, чтобы не отпугнуть рыбу. Ему казалось, что сейчас проснувшиеся лещи вышли на жировку и вот-вот наткнутся на наживку. Рыбак присел на берег и решил:

«Просчитаю до ста и – тогда...» – Юра считал, слушал и смотрел, как играла полая вода.

«Девяносто восемь, девяносто девять...» – куст, за который Юра привязал закидушку, залило на полметра прибывающей водой, он все время качался.

Мальчик подсучил штаны и ступил в жгучую воду. С пересошим горлом, с сильно бьющимся сердцем Юрка приподнял на себя леску и тотчас же ощутил такой рывок из глубины, от которого он только чудом устоял на ногах. Вырванный из рук шнур обжег ладони, и если бы не был крепко привязан за ствол, то безнадежно ушел бы в омут, как ушел в него по маковку пригнутый куст.

Первой мыслью Юрки было бежать за ребятами, но, представив, как они будут выводить леща, а он – хозяин закидушки, только сучить ногами на берегу, Юра снова приподнял леску. И снова мальчик с трудом удержался на ногах и то

лишь потому, что ухватился за ветку.

Рванувшаяся в глубину омута рыбина почти отвесно выпрыгнула высоко над водой вместе с грузом и болтающимися поводками.

Казалось, что леска, натянутая до отказа, вот-вот лопнет. И, конечно, лопнула бы давно, если бы не пружинил таловый куст.

Растерявшийся Юрка увидел толстое брусковое тело рыбины: у нее была короткая тупая голова и кроваво-красные плавники. Лишь только никогда не виданная Юркой рыбина с плеском ушла вглубь, мальчик снова уцепился за леску. Но леска точно зацепилась за камень, Юра изо всех сил рванул, и чудовище, выметнувшись на поверхность, понеслось по ней, едва касаясь брюхом воды: так скользит камень, брошенный с огромной силой опытной рукой. Вся голубовато-серая спина и серебристо-белые бока ее были видны юному рыбаку.

Рывок на исходе шнура был таким сильным, что Юрка упал на куст и расцарапал лоб и щеку. Мокрый по воротник, посинелый от холода, с окровавленным лицом, он все же изо всех сил тянул за леску, сдерживая мчащегося великана. Но снова чудовище помчалось в глубину.

Сколько времени прошло в неравной борьбе с ним, Юра не сумел бы сказать, но, наверное, больше часа.

Солнце взошло. С онемевшим от холода телом, с натруженными руками, он едва держался на ногах, когда на берегу

появились люди.

Это были дряхлый, седой старик с красными слезящимися глазами, в старой ватной фуфайке, с длинным багром, которым он цеплял проплывающие вдоль берега бревна, толстая женщина в мужской шапке-ушанке, с ведрами на коромысле, и босой болезненный подросток, с льяными волосами, чуть прикрытыми на макушке детской фуражкой с оторванным козырьком.

– Лосось?!.. Точно, лосось! Никак, с озера зашел, да в ворота шлюза уткнулся, вот и гуляет здесь. Да-а, редкий гость! ... – прошамкал беззубым ртом дед.

Женщина опустила пустые, загрохотавшие по камням ведра и с коромыслом бросилась на помощь Юрке. Но добраться до него, стоящего уже по пояс в воде, она уже не смогла и потому бегала по берегу и кричала старику:

– Багром! Багром его чепляй, Серафимыч... Я говорю багром! – приблизив толстое лицо к самому уху древнего старичка, громко кричала она.

Старец поправил фуфайку, приложил ладонь лопаточкой к густо заросшему седой шерсткой дряблему уху и спросил:

– Ась?

– Ба-а-гром, говорю, тетеря!

Старик понял и засуетился, мелко переступая ногами, обутыми в резиновые калоши.

– Ужотко изловчусь... Изловчусь, – шамкал старик, заноса длинный багор над заметно ослабевшим то всплывающим

на поверхность, то снова уходящим в глубину лососем.

Юра из последних сил тянул и тянул упористого, как бык, великана к берегу. Рывки рыбы становились все слабее и слабее, но и у мальчика уже не оставалось сил

Наконец, Юрка, собравшись с силами, снова подтянул чудовище к берегу.

Серафимыч изловчился и ударил его багром по спине. Но удар был так слаб, что лосось ринулся вглубь, старик выпустил багор и, потеряв равновесие, упал в воду.

Когда мокрый старик вылез на берег, без багра, он был очень смешон и жалок, но всем было не до смеха.

Женщина забегала, закричала еще сильнее:

– Аполошка! Беги к Леше Хватову. Он охотник... ружьем, ружьем рыбину!...

А к берегу уже собирались новые люди. Высокий широкоплечий шофер, бросив машину, бежал, страшно вращая круглыми глазами.

Он сорвал с головы шапку, бросил ее на берег, перекрестился и как был в сапогах и засаленной «спецовке», так и вскочил в воду к Юрке. Схватившись за леску, он поволок лосося к берегу.

– Врош... собака... врош, – хрипел он, забыв обо всем на свете.

На мелком месте огромный полутораметровый лосось был виден отчетливо. Толстый, как бревно, с пятнистой шкурой, он устало шевелил жаберными крышками.

– Поднимай башку! Дай глотнуть воздуха! Дай глотнуть!.. – кричал какой-то рыжий мужик, нервно переступавший с ноги на ногу.

Шофер вдруг упал грудью на рыбину, схватил ее цепкими ручищами и под одобрительный крик толпы выволок лосося на берег.

Храброго шофера и лосося обступили плотным кольцом, совершенно забыв про Юрку. Верзила отрезал конец закидушки от куста и вместе со снастью поволок пудового лосося к машине.

Толпа кинулась за ним.

– Теперь он его прямым ходом на рынок, – сказала толстая женщина в мужской шапке.

– Вестимо на рынок и, греться, – вишь, как вымок мужик, – соглашался рыжий босой оборванец.

Юра оцепенел.

– Как – на рынок? – чуть слышно прошептал окончательно заковневший мальчик.

А шофер уже завалил лосося в кузов и сел в кабину. Рядом с ним уселся рыжий. Встав на ступеньку кабины, к ним примазывался мокрый, древний седой старик.

Только тогда шофер вспомнил про Юрку.

– Стоп! Стоп! – закричал он. – А где же паренек?

Юра подбежал к машине.

– Сказывай, чей будешь? – клацая зубами от холода, спросил водитель.

– Гаврилова... Николая Ивановича... сын, – с трудом выговорил Юрка.

– Милой, да это же дядя Коля – автобусник... Он мне вот этот самый «газон» ладил... – Ну, садись, мигом домчим. И старенький «газон» с места взял в карьер.

г. Вытегра. Вологодская обл. 1970 год.

Детство

(отрывок из романа «Записки комбата»)

...Размеренный стук колес отсчитывал бесконечные сибирские километры. Вот уже третьи сутки лейтенант Сергей Сибирцев ехал поездом к новому месту службы в дальний Забайкальский гарнизон. В купе попутчиком был парень его возраста, возвращавшийся из отпуска на строительство БАМа. Дорога предстояла долгая, до Читы аж пять суток. В Свердловске в соседнее купе заселились трое иностранцев. Контакт с ними решили навести вечером, когда те пообвыкнутся, да и побаивались, что их сопровождают гэбисты.

Пока же Сергей смотрел в окно и мысли его улетали далеко на родину, где в глухом провинциальном городке, в крае дремучих лесов и голубых озер остались его мама, папа, младшая сестра Танюха-горюха, одноклассники и друзья.

Отец последнее время начал сдавать, особенно это заметно стало после длительных разлук. Вспоминались их совместные походы в лес по грибы и ягоды, на охоту и рыбалку.

Рыболовство являлось основным промыслом местных жителей. В шестидесятые годы жили бедно и питались рыбой да картошкой. Правда, даже в то время, молоко для учеников в школьных буфетах давали бесплатно. Рыбу заготов-

ливали впрок во время весенней (май) и осенней (октябрь) путины.

Весной шла корюшка, осенью – ряпушка. В это время весь город жил на реке. Ставились шалаши и палатки, жгли костры. Весь этот табор растягивался вдоль русла реки на пятнадцать километров, от устья Онего и до водохранилища первого шлюза канала Волго-Балт.

Мужики курили и, не спеша, проверяли с берега саками ход рыбы, изредка вылавливая по три – четыре корюшины, крупной, граммов по триста – четыреста, подледной, самой первой, самой жирной и вкусной.

Женщины налаживали быт на берегу. Дети после занятий в школе, помогали родителям и шумными компаниями, почувствовав свободу, резвились в прибрежной зоне. Уйти с берега нельзя, так как пик путины длится всего несколько часов, а не наловишь рыбы, будешь жить впроголодь до следующего года.

Издали послышались, пока еще не разборчивые, крики. Народ зашевелился и вот уже звуковая волна накрывает нас: «Пошла-а!... Пошла-а-а!!!...».

Мужики с саками бегут к воде, женщины и дети за ними. Видно, как по тихой воде приближается бурлящая стихия. Она пролетает мимо людей, ударяется в ворота старого шлюза и стену плотины, разворачивается, сталкивается с встречным потоком и начинается месиво.

Река по всей своей сто метровой ширине становится похожей на кипящую белую кашу. Создается впечатление, что по рыбе можно перейти на ту сторону. И вот тут не плошай...

Мужики черпают саками рыбу, попадается по тридцать-пятьдесят штук. Ребята вытряхивают рыбу из саков, женщины собирают ее в корзины, ящики и мешки.

Обычно, это длится всю ночь, к утру ход рыбы спадает. Довольные мужики курят, делятся впечатлениями, вспоминая курьезные случаи и, под водочку, лакомятся зажаренной на вертелах свежей корюшкой. Народ расходится, впереди еще много работы по засолке и маринованию рыбы.

Мясные блюда на столах вытегор были, в основном, только по праздникам, несмотря на большое поголовье крупнорогатого скота. Племенные коровы молочного направления, из молока которых делали знаменитое вологодское масло, на убой шли лишь по старости. В магазинах мясо продавалось очень редко. Выручали местные охотники. Особенно ценились лосятина и медвежатина.

Серегу на охоту отец брал с самого детства. Тетеревов, глухарей, белку и зайцев били попутно, когда ездили в лес по надобности. Охота же на медведя и лося требует отдельного повествования...

Кто видел в осеннюю пору тайгу, густо крапленую березой да осиной, тому никогда не забыть картину пылающего

холодными кострами леса.

Темнохвойные леса на солнце горят разноцветным пламенем: пурпурным, красным, нежно-желтым, золотым. А берега реки в рябиновой оправе. И такая грусть повсюду и такое опустение! Шорох шагов по опавшему лесу слышен далеко.

Сергей в ту пору учился в десятом классе, и захотелось ему побродить по осеннему лесу с ружьишком. С собою он взял легавую охотничью собаку отца, Найду.

Под ногами шуршит опавший лист. Нигде никого. Точно совсем оскудела земля. В небе гусиный крик. И вдруг, безмолвие леса потрясает затяжной рев. Что бы это значило? Рев повторяется.

Из перелеска выкатывается испуганный черный зверь. Это сохатый. Самка. Стремительно иноходью несется она через падь. За ней теленок. Следом из чащи вырывается медведь. Огромными прыжками он накрывает малыша, подминает под себя. До слуха доносится предсмертный крик сохатенка.

Сергей упирается спиною в сосну, спокойно подводит под медведя мушку ружья. Тишину разрывает выстрел, за ним другой.

Медведь подпрыгивает и никнет к земле бурым пятном. Сергей ждет с минуту, не шевелится.

– Хорошо угодил! – хвалит он себя мысленно и идет через падь.

Глаза караулят бурое пятно. Узнает в нем голову медведя,

спину зверя, сторбленную предсмертными муками и его переднюю когтистую лапу, упавшую на морду. Поодаль от медведя, за елью, лежит загрызенный теленок вверх брюхом. Раскинув в воздухе, как в быстром беге, длинные ноги.

Сергей ощупал зад убитого медведя. Он толстый и мягкий. А какая шуба – густая, пушистая!

Вытаскивает нож, начинает освежевать. Берет заднюю лапу в руку, с трудом втыкает острие ножа под кожу у пятки. Ну и крепкая!

Хотел сделать надрез над ступней, но вдруг чувствует на себе чей-то гипнотизирующий взгляд.

Поднимает голову, и сердце каменеет: на него смотрят синие глаза медведя. Он жив! Он, кажется, не понимает, что происходит.

Зверь поднимает голову, тянет носом – и от сильного толчка, Сергей кубарем летит в сторону, за ель.

Не попадись в этот момент зверю под ноги рюкзак с ружьем, он бы поймал его в прыжке.

Как оказалось позже, одна из пуль задела медведю позвоночник. У него получился шок. Он потерял сознание, но ненадолго. Возможно, физическая боль, причиненная ножом, помогла ему прийти в себя.

Пока медведь потрошил рюкзак, Сергей пришел в себя. Вся надежда на ель.

Косолапый, точно вдруг вспомнив о нем, бросается к стволу, за которым стоял Сергей. Пальцы правой руки

до боли сжимают рукоятку ножа. Никогда этот зверь не был так страшен и не казался таким могучим. В коротких лапах, слегка вывернутых внутрь, чудовищная сила.

В слепой ярости зверь набрасывается на корни ели, рвет их зубами, качается то вправо, то влево. В напряжение Сергей следит за каждым его движением, чтобы вовремя отскочить. Медведь гоняет его вокруг ели, ревет от злости, а из его открытой пасти брызжит слюна вместе со сгустком черной крови.

Но так не может продолжаться долго. Разве рискнуть ударить ножом? Другого выхода нет.

С решимостью откидывает назад руку с ножом и замирает от неожиданности. Из леса вылетает с невероятной быстротой Найда и наваливается на зверя.

Схватил ружье. Стрелять опасно: зверь и собака держатся кучно. Найда сатанеет, лезет напролом, вот-вот попадетя в лапы медведя. Так их и поглотила тайга...

Освежевал сохатенка, разложил мясо по кочкам, чтобы оно остыло. Преследовать медведя нет смысла. Напуганный собакой, он теперь уйдет далеко, если не ослабеет от пулевых ран. Слышится рев, затем глухой предсмертный стон сильного зверя. Где-то там же, близко, жалобно завывала Найда.

Сергей поспешил на вой. Минует лесные прогалины, чаще. Уже близко... Где-то здесь Найда. Сергей бежит по-над перелеском. Вот и след. Зверь шел шагом, оставлял примерно через каждые десять метров лежку.

Останавливается. Ни звука. Загоняет в ружье новые патроны.

Вспоминает слова отца:

– Раненый зверь может подкараулить!

Подбирается с осторожностью рыси, почти не касаясь земли и не задевая сучьев. Ружье держит на взводе. Глаза не опускают отпечатков медвежьих лап.

Впереди неширокая заболоченная полоска открытого места. Медведь не свернул, так и пересек напрямик болото. Значит, ушел дальше.

Сергей вышел открыто из-за сосны. Не успел он сделать и трех шагов, как из-под единственного куста выворачивается огромная бурая глыба, заслоняет свет, из распахнувшейся пасти брызжет в лицо липкая влага. Ноги мгновенно отбрасывают его в сторону. Пальцы машинально откидывают собачку предохранителя.

Не помнит, как поднял ружье. Зверь поднимается, встает на дыбы, ревет и... открытой пастью ловит горячий кусок свинца. Хищник оседает на зад, роняет лобастую голову. Широко раскинув лапы, он обнимает ими толстую кочку. Никнет к ней.

Сергей пускает в упор еще пулю. Затем всаживает нож в горло.

Долго не может успокоиться. Смахивает с лица кровавые сгустки медвежьей слюны. Опускается на кочку...

г. Вытегра. Вологодская обл. 1972 год.

Таймень

(отрывок из романа «Записки комбата»)

...Недалеко от УРа находилось бурятское село Абагайтуй. Сергей изредка ездил туда в магазин, где и познакомился с местными мужиками, которые часто промышляли рыбной ловлей на протекающей рядом реке Аргунь. Сергей с большим удовольствием принял бы участие в рыбалке, но дело осложнялось тем, что река протекала уже за КСП, по нейтральной полосе и вход туда имели по специальным пропускам только лица, проживающие в тридцати километровой зоне.

Сергей, проживший основную часть жизни среди рек и озер, тяготился службой в безводной степи.

Местные мужики, бывало, просили у него солдат в помощь по хозяйству. Бойцы сами охотно на это шли. Чем плац сапогами топтать или в наряде долбиться, лучше в селе помогать, там и подкормиться можно, да и девчата деревенские рядом. Об оплате разговора не шло. Так, когда в баню попариться пригласят, а то и просто посидеть за бутылкой самогона. Случалось, что и машину для подвоза выделял.

Однажды, Федор Иванович, председатель местного колхоза, пригласил Сергея поохотиться на тайменя.

Встретились вечером в долине возле КСП. В то время

шла заготовка сена, поэтому появление людей на «нетралке» было допустимо. Ключ от ворот КСП был у Ивановича. Как уж он договорился с пограницами, Сергей не знал, но тех рядом не оказалось. Так, в колонну по одному, они и прошли КСП. На «нетралке», вдоль оврага спустились к реке. Наш берег пологий, покрыт высоким кустарником, шириной метров пятьдесят. Противоположный, – обрывистый, там начались сопки.

Ловля тайменя основана на том, что дважды в год происходит миграция мышей с сопок на равнину и обратно. Они вынуждены переплывать реку, здесь их и подстерегал таймень. Ловили его спиннингами и корабликами на искусственную мышь, сделанную из поролона, окрашенного в черный цвет.

В приготовлениях не заметили, как опустилась ночь. Вдруг, с того берега раздался свист. Наши ответили. Сергей вопросительно посмотрел на Ивановича.

– То, что сейчас будет происходить, тебя не касается, наплюй и забудь, – прошептал он.

К берегу причалила лодка, из нее вышли два китайца. Подздоровавшись, и о чем-то перекинувшись с нашими, взяли конец шнура и поплыли обратно.

– Это же китайцы!?! – недоуменно произнес Сергей.

– Да, китайцы. Ну и что? Рыбачь и получай удовольствие, дома все объясним.

Сергей, взяв спиннинг, отошел выше по течению. В голо-

ве все же не укладывалось, как так можно вести себя с врагами? Политическая пропаганда давала о себе знать, и только полное доверие Федору Ивановичу заставило его ждать объяснений.

Забрасывая спиннинг, он наблюдал, как кораблик медленно перетягивают с берега на берег. Вдруг, посреди реки, раздались всплески. Один, другой. Это подошел таймень. Охотившись на мышей, он сначала глушил их ударами своего сильного хвоста. В лунной дорожке было видно, как мыши стаями плывут на ту сторону. Светящийся фосфорный флажок на кораблике упал, есть поклевка! Резкая подсечка и начался вывод рыбы на нашу сторону. Мужики, упираясь, выбирали фал из воды. Конец его привязали за дерево. Веревка то слабела, то рывком натягивалась так, что могла утянуть скользящих рыбаков в реку. Борьба шла минут двадцать. Наконец рыба устала и начала сдавать позиции. Возле берега она сделала свечку. Это был громадный таймень, удержать фал, казалось, нет никакой возможности. На наше счастье, это были последние рывки. Выуженный таймень потянул на пятьдесят два килограмма. Да, в такой рыбалке Сергей участвовал впервые!

За ночь поймали еще три тайменя, но уже меньшего веса. Обрыбился и Сергей. На спиннинг он вытащил неплохой экземпляр на шестнадцать килограммов. Однако, особой борьбы, он не прочувствовал. Таймень шел спокойно, как бревно, начав сопротивляться уже на суше.

Рыбалка продолжалась. Звук разматываемой катушки приятно ласкает слух. Сергей медленно передвигается по узкой полоске береговой гальки.

Катушка поет. И вдруг какая-то тяжесть навалилась на шнур. Не зацепил ли корягу? Нет, что-то живое рванулось, затрепетало, потянуло.

Рыба на поводу упрямится, рвется, тянет в глубину. Осторожно выводит ее на отмель. Это ленок, килограмма на три. Стоило из-за такой мелочи время терять!

Сергей еще надеется на успех. Снова и снова бросает мышь. И вдруг сильно стукнуло сердце: из темной глубинной мглы выползает длинная тень. Таймень! Он виден весь в лунном свете. Важный, морда сытая, как у откормленного бора, плывет спокойно, словно на поводу. В его маленьких рысиных глазах алчность.

Но, странно: приманка почти у самого носа тайменя извивается, как живая, дразнит, но хищник челюстей не разжимает.

– Не голодный, бестия.

По ловкости и силе таймень – что подводный тигр. Велик соблазн обмануть его. Чувствуется решительный рывок и – катушка запела...

Таймень ищет спасения в глубине, мечется по заводи, как волк в ловушке. С трудом сдерживаешь эту чертовскую силу. Вот он уже метрах в семи от берега, выворачивается белым брюхом, широко раскрывает губастую пасть.

Сильный рывок, треск – и в руках остается всего лишь обломок удилица с оборванным шнуром на катушке.

Конец удилица потащило на глубину и вдруг развернуло и направило против течения, ближе к берегу.

Сергей забежал в воду и схватил его. И тотчас почувствовал сильный рывок и знакомый всплеск.

Таймень ожесточенно сопротивлялся. Выпрыгивал из воды, тряс головой в воздухе, бросался в стороны.

Теперь главное не торопиться. Реже и реже становятся всплески, слабеет шнур. Рукам все легче. И вот таймень лежит у ног. Толстый, длинный, облитый серебром, с позолоченными плавниками. И тут он не хочет сдаваться без боя. Молотит хвостом по воде, гнет дугою хребет, угрожающе хватает воздух страшной пастью...

Даурия. Забайкалье. 1980 год.

В тайге

(отрывок из романа «Записки комбата»)

...В Союзе шла перестройка. Партию отстранили от власти. Все в надежде ждали перемен к лучшему. Начался вывод войск из Монголии. Первой выходила зенитно-техническая ракетная база.

Сначала шли слухи, что выводят в Братск, но вывели на станцию Таежная, под Читу. На место расформированной ракетной дивизии стратегического назначения.

Сибирцев метался:

– Ну что за заколдованный круг, опять Заб. ВО!..

С первой группой офицеров его направили в Таежную, для приема военного городка у стратегов, разгрузки прибывающих эшелонами ракет и перевозки их к месту дислокации.

С одной стороны, очередное место службы Сергею, любителю природы, рыбалки и охоты, очень понравилось.

Вокруг, на многие сотни километров тайга, с вечнозелеными соснами и кедрами. Чистая и быстрая река Селенга, с отличными заводями для рыбы. Воздух, так напитан ароматами душистых трав, что, дыша ими, чувствуешь какое-то особое наслаждение. Природа так великолепна, так богата флорой и приятными для глаза ландшафтами.

Бальзамический воздух – это очаровательно! Кислорода в воздухе столько, что, кажется, можно его кусать. Живут здесь в основном люди добрые и сердобольные. Но с другой стороны, – вновь на краю земли. Юля устала от вечных переездов, да и сын подрастает.

Воинская часть, несмотря на то, что располагалась в отдалении от населенных пунктов, имела все для автономной жизнедеятельности. Был даже крытый двадцати пяти метровый бассейн.

Первое время жили в казарме. В штабе расположились американцы, принимавшие участие в уничтожении шахт для запуска стратегических ракет. Кстати, это уничтожение, даже, по мнению гостей из-за океана, было очередной глупостью советского партийного руководства.

Вечера проводили за кружкой спирта и преферансом. В гости часто заходили бывшие «вероятные противники». Некоторые из них сносно разговаривали по-русски. Разогревшись спиртным, заводили политические споры. Вели себя они надменно и высокомерно. Считали себя победителями. Наши офицеры обычно отмалчивались, таков был приказ, но, бывало, давали достойный отпор.

Как-то стояли Сергей с Томом на крыльце казармы, смотрели в ночное звездное небо, курили и размышляли о смысле жизни. Вдали раздавались переборы гармошки и непристойные частушки подвыпившего местного кочегара дяди Васи.

– Жаль мне вас, русских. Живете в таком дерьме и не пытаетесь из него вылезти. Не понимаю, – высказывался Том.

– А ты и не поймешь, да и не надо тебе нас понимать, – отвечал ему Сергей. – Просто мы разные люди. Вот у вас вместо глаз два доллара. А для нас, русских, деньги далеко не главное. Главное – душа. А она может плакать, а может смеяться. Вот слышишь, дядя Вася, добросовестно отпахал смену, вышел на завалинку, хватил чарку самогона, прижал тетю Глашу, растянул меха гармошки и он счастлив.... И на хрен ему ваша хваленая «дерьмократия» не нужна.

Я вот сам не понимаю, для чего я все это время жил, чего добиться хотел, перед кем себя старался показать. Смотри, какая вокруг природа! Единственное желание – выйти за ворота, глаза открыть, уши открыть, и дышать всем этим.... И глазами, и ртом, и дышать, дышать, всей кожей дышать. Это все, что нужно человеку. Не перед кем не изображаешь то доброго, то злого человека, то храброго, то честного. Это не объяснить! К этому надо самому прийти...

Я удовольствие получаю от того, что мне нужно дров наколоть, за водой сходить. Я колуном махаю – и радуюсь. Я ведро в руки беру – и радуюсь.

Для меня главное – жить в гармонии с природой. Вот птица пролетела, там заяц пробежал, муравьи снуют. Вокруг все живое и я часть этого мироздания, лучшая часть, хотелось бы думать.

А вы пришли со своим уставом и пытаетесь навязать нам

свои догмы. Не нужны они нам. У нас свои жизненные критерии и чем быстрее вы это поймете и оставите желание сделать нас похожими на вас, тем быстрее в мире установится покой и порядок.

Том долго молча недоуменно смотрел на Сергея.

– Ты так красиво сказал!.. Наверное, ты прав, мы еще долго не пойдем друг друга.

– А и не надо. Будем жить, как хорошие соседи.

Однажды местные охотники пригласили Сергея в тайгу поохотиться на изюбра и набить кедровых шишек.

Выехали рано утром двумя «Уралами». До цели поездки в предгорьях Алтая более ста километров. Грунтовая дорога вскоре сменилась разбитой колеей лесовозов. Стояла золотая пора бабьего лета. Ни облачка, ни ветерка. Багряные краски смешанных лесов вскоре уступили вековой зелени сосновых боров. Дважды буксовали в болотной жиже, выручали лебедки, которыми были снабжены вездеходы. К вечеру остановились и разбили лагерь, поставили палатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.